Алексей Викторович ПЕКШЕВ,
доцент кафедры медицинского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат медицинских наук, доцент
avpekshev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Эволюция этических норм как элемента биополитики[1]

Аннотация. *Биополитика как совокупность правовых норм и социальных установлений далеко не всегда подразумевала доминирование этических принципов в качестве собственного базового элемента. На основании проведенного сравнительного анализа истории формирования правовых подходов к содержанию биополитики в период ее возникновения автор приходит к выводу о трансформации концепции биополитики в XXI в., связанной с включением в нее базовой этической составляющей. Регулирование отношений, основанное на сочетании формальных правовых императивов и диспозиций с этическими установлениями, не только порождает стандарты поведения их участников, сообразующих автономию воли с презумпциями разумности и добросовестности, но и формулирует требования к представителям законодательной власти, направленные на недопустимость принятия законодательных актов с отсутствующей правовой природой, поскольку любые будущие попытки их соблюдения противоправны сами по себе.*
Ключевые слова: *биобезопасность, биополитика, биоэтика, этика.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.106.6.068-077

Alexey V. PEKSHEV,
Associate Professor of the Chair of medical law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Medical), Associate professor
avpekshev@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Evolution of ethical norms as an element of biopolitics

Abstract. *As a set of legal norms and social institutions, biopolitics did not always imply the dominance of ethical principles as its own basic element. Based on the comparative analysis of the history of the formation of legal approaches to the content of biopolitics in the period of its emergence, the author comes to the conclusion about the transformation of the concept of biopolitics in the XXI century, associated with the inclusion of a basic ethical component in it. Regulation of relations based on a combination of formal legal imperatives and dispositions with ethical institutions generates not only standards of behavior of their participants, conforming to the autonomy of the will with the presumptions of reasonableness and good faith, but also formulates requirements for representatives of the legislative branch aimed at the inadmissibility of the adoption of legislative acts with a non-legal nature, since any future attempts to comply with them are illegal in themselves.*
Keywords: *Biological safety, biopolitics, bioethics, ethics.*

[1] Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

© Пекшев А. В., 2023

Беспрецедентный судебный орган — Международный военный трибунал — 20.11.1945 открыл первый и главный в истории XX в. Нюрнбергский процесс. Полномочия и процедуры Международного военного трибунала определял его Устав, принятый 8 августа 1945 г. по окончанию переговоров на проходившей с 26 июня 1945 г. Лондонской конференции[2]. Устав, принятый как приложение к учредившему Антигитлеровскую коалицию межсоюзническому соглашению «О судебном преследовании военных преступников европейских стран оси», регламентировал создание *временного* трибунала для суда над главными руководителями гитлеровской Германии, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом. Трибунал был наделен правом объявления любой группы или организации преступной, что в дальнейшем предполагало уголовное осуждение всех лиц, входивших в данную группу (ст. 6 Устава). Применительно к послевоенной Германии речь шла о миллионах людей. Обвинение впервые ввело в официальный документ новый термин — «геноцид».

У нюрнбергского правосудия нет завершения: в 2011 г. немецкая прокуратура подтвердила отказ от сроков давности по таким преступлениям. Было открыто и завершено вынесением обвинительного приговора несколько уголовных дел против работников концлагерей, которые непосредственно сами убийств не совершали[3].

Нюрнбергский процесс по завершении 01.10.1946 дал старт серии из 12 «малых» процессов, построенных по отраслевому и «производственному» принципам (в частности, процессы против врачей, юристов и связанные с отдельными концлагерями). Процессуальной основой нюрнбергского правосудия стала формула привлечения к ответственности лиц, не являвшихся непосредственными исполнителями деяний, признанных впоследствии преступными. Ее автором являлся Густав Радбрух — германский юрист, правовед и политический деятель, родившийся в 1878 г. в семье богатого предпринимателя и проживший 71 год (умер 23.11.1949).

Предметом профессиональной компетенции Г. Радбруха было изучение права, он весьма рано получил докторскую степень, преподавал в Гейдельбергском университете, во времена Веймарской республики был депутатом Рейхстага и дважды — рейхсминистром юстиции Германии. Ушел из политики в 1926 г., став деканом юридического факультета Гейдельбергского университета. В период германского нацизма, попав под действие закона «О восстановлении профессиональной государственной службы», был лишен права заниматься преподавательской деятельностью и уволен из университета[4]. Уехав на год в Англию, Г. Радбрух написал книгу «Дух английского закона», после 1945 г. вернулся на должность декана Гейдельбергского университета и стал разрабатывать теорию, названную им «правосудие ценностей».

---

[2] Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят в г. Лондоне 08.08.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165—172.

[3] Суд в Германии приговорил бывшую машинистку концлагеря Штуттгоф к условному заключению // URL: https://tass.ru/obschestvo/16639805 (дата обращения: 10.03.2023).

[4] По другому закону — «О предотвращении переполнения классов» — детей еврейской национальности в нацистской Германии лишали права получения среднего образования.

В процессе разработки теории правосудия ценностей Г. Радбрух вывел вышеназванную формулу, которая постулирует, что исполнение даже несправедливого закона является не только правовой, но и нравственной обязанностью, поскольку общественная ценность правовой стабильности в данном случае превалирует. Однако данный постулат содержит исключение, суть которого состоит в следующем. Невзирая на принцип исполнения закона, мыслимы случаи, когда содержание и степень несправедливости неправомерных законодательных актов столь значительны, что правовая стабильность, гарантированная действующим правопорядком, не может приниматься во внимание.

Это происходит тогда, когда принимаемый закон отрицает справедливость, а равенство, составляющее ее основу, сознательно игнорируется в правотворческом процессе. Другими словами, если в результате правотворчества возникают отрицающий равенство закон (например, ущемляющий права определенных социальных или национальных категорий), одно наказание для любой вины («смертная казнь за все»), приравнивание к государственной измене попыток получения альтернативной информации (например, прослушивания радиопередач от запрещенного или неодобряемого источника радиовещания) и т.п., соблюдение таких законов противоправно само по себе, поскольку у них отсутствует правовая природа.

В ходе нюрнбергского правосудия формула Г. Радбруха была применена не просто к военным (в опровержение довода «я выполнял приказ»), но и к юристам (в опровержение довода «я исполнял закон»). Принципы и кейсы последующего применения формулы Г. Радбруха достаточно широки. Преступления против человечества в любом случае не имеют правовой природы, даже если они облечены в форму закона.

Уставом Международного военного трибунала 1945 г., а также законом № 10 Контрольного совета «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности» от 20 декабря 1945 г. предусмотрено, что действия, направленные против мира и человечности, подлежат наказанию, даже если они не нарушали законов страны, в которой совершались. После объединения Германии немецкие правоведы посредством использования формулы Радбруха осудили совершенные в ГДР преступления, нарушающие основные права и свободы человека (такие как убийство пограничниками беглецов из ГДР). Конституционный суд ФРГ признал возможность исключения из закона запрета обратного действия «в тех случаях, когда позитивное право в недопустимой степени не согласуется со справедливостью»[5].

Феномен формулы Радбруха заключается в бессрочном уголовном преследовании за деяния, квалификация общественной опасности которых так или иначе основана на оценочных суждениях, и подразумевает объективное вменение. Именно поэтому ее применение, допустимое для весьма широкого круга общественных отношений, как правило, сводится к кейсам, сочетающим поражение субъекта в его личных неимущественных правах с игнорированием базисных

[5] *Серебренникова А. В.* К 70-летию Нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» (Radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 112—117.

общественных ценностей, закрепленных в нормативных правовых актах высшей юридической силы или сформулированных на уровне конституционных установлений.

Поэтому неотъемлемыми ограничителями в использовании формулы Радбруха являются требования к личному мужеству и морально-волевым качествам правоприменителя, не исполняющего формально действующие предписания по предусмотренным формулой основаниям, а также необходимость последующего лишения юридической силы содержащих такие предписания нормативных актов с применением обратной силы закона. Во всех случаях данная правоприменительная практика является исключением из принципов универсальности и самореализуемости правовой нормы.

Становление биополитики как правового феномена является примером трансформации антигуманных установлений, доминировавших в период инклюзии понятия «биополитика» в правовое поле, в систему правового регулирования и этического обеспечения общечеловеческих ценностей.

Спорадическое употребление термина «биополитика» восходит к началу XX в. и может быть сведено к попыткам внедрения в политическую сферу биологии, генетики, экологии, эволюционной теории и иных наук, в предмет которых включено изучение жизни. Негативные коннотации, связанные с нацизмом и иными политическими практиками, включающими проявления геноцида, отсрочили до 70-х гг. XX в. — до появления биополитики как самостоятельной дисциплины, автором которой является французский философ и социальный теоретик Мишель Фуко, определивший биовласть как «анатомо-политику человеческого тела»[6].

М. Фуко включает в понятие власти практики здравоохранения, регулирования наследственности и рисков регулирования, связанных с физическим здоровьем, подразумевая распространение государственной власти над физической и политической властью населения. Это государственная политика, связанная с человеческой телесностью. По мнению М. Фуко, она не должна носить тиранического характера, а сводится на практике к мерам, предпринимаемым на государственном уровне для повышения рождаемости или помощи семьям с детьми. В любом случае это некие политические меры, нормы и решения, связанные с жизнетворящей телесной функцией человека.

Фундаментальность провозглашенных М. Фуко принципов взаимодействия государства и общества способствовала их радикальным толкованиям. Так, Джорджио Агамбен и Роберто Эспозито исследовали наблюдения Фуко с помощью понятий «человек священный» и «танатополитика», настаивая, соответственно, на суверенном праве убивать безнаказанно и на биологических оправданиях истребления людей. Но наиболее радикальной формой толкования принципов М. Фуко стала «некрополитика» историка и политолога Ахилле Мбембе (род. в Камеруне в 1957 г., учился во Франции, работал в ведущих университетах США, в настоящее время — профессор Университета Витватерсранда в Йоханнесбурге, ЮАР). Его концепция некрополитики характеризует политические решения

[6] *Foucault M.* Security, Territory, Population: lectures at the Collège de France, 1977—78 // The Collège de France. 2007. URL: https://archive.org/details/securityterritor00fouc (дата обращения: 10.03.2023).

или действия, связанные с лишением жизни или причинением смерти по политическим мотивам. Изучая механизмы контроля над смертностью, А. Мбембе утверждает, что «в современном мире суверенитет определяется способностью решать, кто может жить, а кто должен умереть», тем самым обесценивая человеческую личность как таковую[7].

Работы А. Мбембе связаны с постколониальной политикой, а также с тем, что происходит в настоящее время в «темных» и «серых» зонах мира, населенных бесправными людьми, которые расцениваются собственным государством как люди не совсем полноценные[8].

Некрополитика — это использование социальной и общественной политической власти для определения, кому жить, а кому умереть. Например, разделение людей на категории разной полноценности, одни из которых достойны жизни, а другие — менее достойны (в частности, алгоритм предпочтения спасения жизни при отборе, не связанном с медицинским прогнозом). При этом даже на общественном уровне могут быть признаны рациональными (или наоборот) критерии подобного отбора, такие как очередность спасения детей в катастрофической ситуации (например, землетрясение и иное разрушение окружающей среды, дефицит кислорода в салоне терпящего катастрофу авиалайнера).

Обратным примером подобной рациональности можно считать общественное предпочтение выделения жизненно необходимого набора продуктов питания для выживания взрослых мужчин (как воинов либо создателей прибавочной стоимости). Так, башкирские и русские крестьяне XIX в. не понимали, зачем контролирующие распределение гуманитарной помощи американцы требуют выделения ее части на пропитание крестьянских детей. Субъект, который в этот момент присваивает себе власть, определяя очередность жизни и смерти, реализует некрополитику. А. Мбембе наделяет этой функцией государство в периоды манифестации чрезвычайных ситуаций, акцентируя внимание на ситуациях сознательного пролонгирования особых режимов экономически неразвитыми государствами, не готовыми отказаться от власти на уровне «владения животом и смертью».

Ключевой характеристикой» некрополитики является «производство смерти в больших масштабах»[9]. Этот аспект анализируется в первой главе «Некрополитики» — «Выход из демократии», с выделением перечисленных ниже семи черт, составляющих основу изложения А. Мбембе по этому вопросу:

1. Государственный террор. Государство преследует, сажает в тюрьмы и уничтожает определенные группы населения, чтобы можно было нейтрализовать политические и социальные разногласия.

2. Совместное применение насилия. Во многих случаях государство не имеет монополии на насилие и добровольно ею делится с другими частными субъектами (ополченцами, военизированными формированиями), увеличивая

---

[7] *Mbembe A.* Necropolitics // Public Culture. 2003. № 15 (1). P. 11—40. URL: https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11 (дата обращения: 10.03.2023).

[8] *Mbembe A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality and Sovereignty in Africa // Public Culture. 2000. № 12 (1). P. 259—284. URL: https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259 (дата обращения: 10.03.2023).

[9] *Mbembe A.* Necropolitics.

распространение и использование оружия в обществе. Таким образом, общественная страта делится на тех, кто защищен (потому что вооружен) от тех, кто не защищен.

3. «Звено вражды». Согласно А. Мбембе, в обществе, где социальную ценность человека определяет факт владения оружием, разрушаются все социальные связи. Таким образом, звено вражды нормализует идею о том, что власть может быть приобретена и осуществлена только ценой чужой жизни.

4. Война. Поскольку само принуждение стало рыночным товаром, постольку в наши дни война и террор стали самостоятельными способами производства и как таковые должны создавать новые военные рынки.

5. Разграбление природных ресурсов. Чтобы использовать ценные природные ресурсы, население перемещается и уничтожается (например, коренные жители тропических лесов Амазонки) при активном и скрытом сотрудничестве государства, общественных сил, международных корпораций и преступных организаций.

6. Различные способы убийств. Столкновение со смертью множественно: пытки, увечья, массовые убийства, высокотехнологичное уничтожение с помощью ударов беспилотников воспринимаются как варианты некрополитических устройств.

7. Различные моральные оправдания лишения жизни: искоренение коррупции, различные типы «терапевтической литургии», «стремление к жертве», «мессианские эсхатологии», «современные дискурсы утилитаризма», «материализм и потребительство»[10].

В дальнейшем в теории некрополитики появляется термин «живые мертвецы». А. Мбембе относит к таковым неполноценных, «не полностью, условно живых» физических лиц, смерть которых не будет расцениваться государством в качестве негативного социального последствия, подлежащего безотлагательному исправлению (например, декларирование или фактическое ограничение права на жизнь отдельных категорий людей, страдающих неправильной сексуальной ориентацией, алкоголизмом и др.). Тем самым государство отказывается от провозглашения универсального принципа оценки жизни человека как высшей ценности, заменяя его избирательным подходом к данной оценке для «живых» лиц, сохранение жизни которых приоритетно для государства (многодетные матери, физически здоровые представители титульной нации, государственные служащие с ранжированием по категориям занимаемых должностей или без такового и т.д.), и «условно живых» подданных (реже — граждан), жизнь которых нужна государству не до такой степени[11].

Следующей ступенью подобного ранжирования, по А. Мбембе, является возникновение death worlds — так называемых миров смерти, т.е. заключение отдельных групп населения в определенные места — кемпинги. А. Мбембе считает, что лагерная форма (беженцы, тюрьмы и полицейские участки, концлагеря, пригороды,

[10] *Pele A.* Achille Mbembe: Necropolitics // CLT. 02.03.2020. URL: https://criticallegalthinking.com/2020/03/02/achille-mbembe-necropolitics/ (дата обращения: 10.03.2023).

[11] *Verghese N.* What Is Necropolitics? The Political Calculation of Life and Death // Teenvogue. 10.03.2021. URL: https://www.teenvogue.com/story/what-is-necropolitics (дата обращения: 10.03.2023).

фавелы) стала преобладающим способом управления нежелательным населением. Последние заключены в опасные и милитаризованные пространства, чтобы их можно было контролировать, беспокоить в различных проявлениях «власти над телом» (например, путем ограничения доступа к питанию, необходимой одежде, набору гаджетов, варианту выбора поведения) и потенциально убивать. Это — постоянное состояние «жизни в боли», воспринимаемое обществом как приемлемое или нормализуемое, а в крайне тяжелых ситуациях — законодательно нормируемое[12].

Таким образом, биополитика М. Фуко включает два основных постулата. Опираясь на опыт нацистского режима и на глобальную ядерную угрозу, М. Фуко подчеркивает, что люди массово уничтожают друг друга во имя защиты и выживания нации, народа и/или класса. Кроме того, он отмечает, что расизм стал политическим инструментом, позволяющим проводить биологическое разделение человеческого рода и оправдывать истребление тех, кого считают низшими. М. Фуко настаивает на том, что современный расизм развился вместе с «колонизационным геноцидом», чтобы можно было оправдать право на лишение жизни.

Некрополитика А. Мбембе в целом подразумевает закрытое внедрение политических, экономических и военных механизмов, направленных на уничтожение человеческого населения. Но, наряду с этим аспектом, она разворачивается и через «малые дозы» смерти, структурирующие повседневную жизнь индивидов: наблюдение за людьми не столько в целях дисциплины, сколько для извлечения из них максимальной пользы (например, в случае сексуального рабства).

Внедрение «малых доз » смерти в повседневное существование многих людей также происходит от «неограниченного социального, экономического и символического насилия, разрушающего их тела и ценность их социального существования»[13]. Ежедневные унижения, совершаемые государственными силами над определенным населением, стратегия «маленьких массовых убийств», устраиваемых раз за разом, отсутствие основных социальных благ (например, санитарии, жилья) создают сообщество «живущих на краю жизни» людей, для которых собственная жизнь означает постоянное стояние насмерть. Следовательно, эта жизнь — лишняя, цена которой настолько мизерна, что не имеет равных критериев (ни рыночных, ни человеческих). Никто не питает чувств ответственности или справедливости к пролонгации такой жизни и к смерти как ее окончанию. Некрополитическая власть проявляется как своего рода инверсия между жизнью и смертью, как если бы жизнь была просто посредником смерти.

По мнению автора, применение формулы Г. Радбруха «если закон нарушает принципы равенства — он незаконен» к концепции некрополитики более чем уместно. На вопрос, когда судья не должен судить, правоохранитель не должен охранять «право», а подчиненный не должен выполнять приказ начальника, следует ответить: не тогда, когда закон негуманен, жесток или патологически динамичен вследствие гиперактивности законодателя, а когда он нарушает базовые принципы равенства (например, при обнародовании тезиса, что одни люди имеют право жить, а факт жизни других воспринимается не как фундаментальное конституционное право, а как факультативное допущение).

---

[12] *Pele A.* Op. cit.

[13] *Pele A.* Op. cit.

Подобные законы оскорбляют как очевидные принципы естественного права, так и чувство справедливости (при этом наказание за оскорбление чувств в сегодняшних правопорядках широко применимо, включая уголовно-правовую юрисдикцию). Практика осуждения в Нюрнберге фашистских судей, прокуроров, председателей тамошних троек позволяет констатировать, что их ссылки на принципы «нет наказания без закона», «когда я это делал — это был закон», «закон обратной силы не имеет» — не помогли. Если законы намеренно попирают нормы справедливости, произвольно предоставляют человеку права (либо — отказывают в них), то такие законы недействительны, люди не обязаны им подчиняться, а юристы должны найти в себе мужество не признавать правовую природу законов, постулирующих неравенство и отрицающих права человека или объявляющих его нечеловеком.

Оценка влияния формулы Г. Радбруха на немецкое послевоенное право приводит к выводу о ее универсальности. Факты осуждения выполнявших приказ военных, которые стреляли в перебежчиков через берлинскую стену, судей ГДР, выносивших приговоры вплоть до смертной казни по сфабрикованным политическим делам, являются общеизвестными. При этом ГДР никогда не признавалось преступным государством, никаких трибуналов в отношении ГДР не было. Тем не менее были осуждены правоприменители, следовавшие, очевидно, неправовым законам, действовавшим в то время.

Сходные принципы действуют и в Российской Федерации. Например, признанные виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати[14].

Указом Президента РФ, Верховным Советом РФ действие данной нормы расширено, и распространяется на репрессированных участников событий в г. Новочеркасске 1—3 июня 1962 г., включая членов их семей[15].

При всех особенностях формулы Г. Радбруха, цель ее применения остается неизменной — исправление ошибок правопорядка, допущенных ранее. Разрабатываемая отечественными правоведами концепция современной биополитики базируется на принципиально ином подходе — профилактике законодательных и

[14] Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Ст. 18 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

[15] Указ Президента РФ от 08.06.1996 № 858 «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием в событиях в г. Новочеркасске в июне 1962 года» // СЗ РФ. 1996. № 24. Ст. 2888 ; постановление Верховного Совета РФ от 22.05.1992 № 2822-1 «О событиях в городе Новочеркасске в июне 1962 года» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 22. Ст. 1184.

правоприменительных дефектов через инкорпорацию в нормы права этических установлений[16]. В ситуации запаздывания правового регулирования динамично развивающихся правоотношений в областях, связанных с биотехнологиями, генетическими исследованиями, лекарственным и продовольственным обеспечением и т.п., на первый план все чаще выходят задачи их этического обеспечения, реализуемые посредством деятельности этических комитетов, расширения круга экспертных исследований и т.д.[17] Тем самым постулат М. Фуко о теле человека как биополитической реальности развивается в заботу о здоровом человеческом теле через биополитику как систему взаимных связей биотехнологий, биоэкономики и биобезопасности.

Проблемы законодательной практики, связанные с отказом от предпринимавшихся попыток трансформации этических установлений в правовые нормы, рассматривались ранее[18]. Затягивание их решения в настоящее время актуализировало потребность в проведении не только специальных технических и подобных им исследований, оценок, экспертиз, но и этических и правовых экспертиз. В новых условиях возрастает роль государственных и негосударственных институтов, осуществляющих оценку технологий по ряду критериев и признаков, прежде чем они будут внедряться в широкий оборот. Проводимая биополитика в стране должна быть в первую очередь направлена на обеспечение биологических и иных видов безопасности, охрану прав граждан на жизнь и здоровье, благоприятную окружающую среду. Практическое решение все более сложных задач требует скорейшей институционализации биоэтики и биоправа как науки, учебной дисциплины, сферы аналитической и экспертной деятельности[19].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Мохов А. А.* Роль биоправа и биоэтики в биополитике // Юрист. — 2022. — № 1. — С. 16—21.
2. *Пекшев А. В.* Биоэтика: от Просвещения к возвращению // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 8. — С. 53—61.
3. *Посулихина Н. С.* Медицинская этика: административно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 159—162.
4. *Серебренникова А. В.* К 70-летию Нюрнбергского процесса: «формула Радбруха» (Radbruchsche Formel) и опыт ее применения на практике после объединения Германии // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 7. — С. 112—117.

[16] *Мохов А. А.* Роль биоправа и биоэтики в биополитике // Юрист. 2022. № 1. С. 16—21.

[17] *Посулихина Н. С.* Медицинская этика: административно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 159—162.

[18] См.: *Пекшев А. В.* Биоэтика: от Просвещения к возвращению // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8. С. 53—61.

[19] *Mokhov A. A., Svirin Yu. A., Gureev V. A., Posulikhina N. S., Pekshev A. V.* New technologies of the development of a code of bioethics // Indian Journal of Forensic Medicine and Toxicology. 2021. Т. 15. № 3. P. 4019—4027.

5. *Foucault M.* Security, Territory, Population: lectures at the Collège de France, 1977—78 // The Collège de France. — 2007. — URL: https://archive.org/details/securityterritor00fouc (дата обращения: 10.03.2023).
6. *Mbembe A.* At the Edge of the World: Boundaries, Territoriality and Sovereignty in Africa // Public Culture. — 2000. — № 12 (1). — P. 259—284. — URL: https://doi.org/10.1215/08992363-12-1-259 (дата обращения: 10.03.2023).
7. *Mbembe A.* Necropolitics // Public Culture. — 2003. — № 15 (1). — P. 11—40. — URL: https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11 (дата обращения: 10.03.2023).
8. *Mokhov A. A., Svirin Yu. A., Gureev V. A., Posulikhina N. S., Pekshev A. V.* New technologies of the development of a code of bioethics // Indian Journal of Forensic Medicine and Toxicology. — 2021. — Т. 15. — № 3. — P. 4019—4027.
9. *Pele A.* Achille Mbembe: Necropolitics // CLT. — 02.03.2020. — URL: https://criticallegalthinking.com/2020/03/02/achille-mbembe-necropolitics/ (дата обращения: 10.03.2023).
10. *Verghese N.* What Is Necropolitics? The Political Calculation of Life and Death // Teenvogue. — 10.03.2021. — URL: https://www.teenvogue.com/story/what-is-necropolitics (дата обращения: 10.03.2023).